

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Будить мертвых — это еще ничего, но вот откапывать их перед этим...

Кэтрин Дейли сделала паузу, чтобы вытереть пот со лба. В прохладном ночном воздухе дыхание превращалось в пар, а в спину дул ветер, швырявший опавшие листья о низкую кладбищенскую стену. В целом неплохая ночь для такого занятия. Шедший днем дождь размягчил почву, а лунный свет позволял Кэтрин хорошо видеть даже без горящего на краю могилы фонаря.

Она привыкла к темноте.

Со склона кладбищенского холма ей открывался хороший вид на расстилавшийся внизу городской пейзаж. От Инверкарна исходил мягкий свет, здания освещались уличными фонарями, а их фасады были внушительны и элегантны. Холмы и посаженные деревьями дорожки кладбища Роуз-Хилл обещали только самое лучшее для тех, у кого было достаточно денег, чтобы быть погребенным здесь. Но едва ли они могли насладиться этим после того, как над ними захлопывалась крышка гроба.

Разве что случится нечто необычное, как, например, в сегодняшнюю ночь.

Внезапно оказавшись в тишине, Кэтрин огляделась и обнаружила, что ее напарница тоже решила прервать работу. Бриджит оперлась на лопату, воткнув острие в землю.

— Продолжаем копать, — сказала ей Кэтрин.

В конце концов, у них был зритель. Кэтрин хотела, чтобы он вернулся к мистеру Эйнсворту не только с теми деньгами, которые задолжал, но и с похвалой за их усердие. До сих пор он молча наблюдал за ними, держась в нескольких шагах от могилы.

Джефффри Ватт.

Он стоял, заложив руки за спину и приподняв подбородок. Возможно, он пытался сохранить самообладание, но Кэтрин знала, когда клиент нервничает. Он был ненамного старше ее и Бриджит — наверное, лет двадцати с небольшим — и обратился к Эйнсворту только на прошлой неделе.

Его младшая сестра умерла от лихорадки, когда он был в отъезде. И молодой человек просто хотел попоцаться. Вне зависимости от того, сколько это займет времени и какую цену придется заплатить.

Кэтрин выбросила из могилы еще одну кучу земли. Состоятельные люди любили глубоко хоронить своих мертвецов. В городе было немало расхитителей, выкапывающих трупы для продажи студентам-медикам. Поэтому мортсейфы — обычное дело в Роуз-Хилл. Железные устройства были установлены над несколькими могилами на склоне холма и охраняли мертвых до тех пор, пока плоть не становилась настолько гнилой, что ее нельзя было использовать.

Расхитители чаще находили свои трофеи на общественном кладбище на другом берегу реки.

Роуз-Хилл было частным кладбищем, охраняемым. Кэтрин подумала, что Ватт, должно быть, заплатил сторожам, чтобы те их не беспокоили.

Ночь продолжалась, они с Бриджит все копали. Пришлось вырыть шесть, а затем и восемь футов, прежде чем лопата Кэтрин ударилась о дерево.

Услышав звук — твердый и недвусмысленный *стук*, — Бриджит отложила лопату и взяла лом. Кэтрин достала из пальто литерату. Она катала металл между пальцами, глядя на землю под собой.

— Всего час? — спросил Ватт. Такой тон Кэтрин слышала и раньше. В нем была просьба о большем, но магия не могла предложить столь многого.

Ватт был здесь, лишь чтобы сказать: «Прощай».

— Да, — ответила Кэтрин. — Твоя сестра не может долго оставаться в таком состоянии. Для нее здесь больше нет места.

Ватт кивнул. Он снял шляпу, лицо его было бледным, а волосы светлыми. Бриджит ослабила последний гвоздь и отодвинула крышку гроба. Девушка внутри была так же красива, как Ватт. Она лежала в прелестном вечернем платье, окруженная голубой подкладкой гро-

ба. Кэтрин опустилась на колени, сжимая свою металлическую литеру.

Это была выполненная из металла буква, в которую заключен час ее жизни. Она знала, что если поднесет ее к фонарю, то найдет пятно. До этого Кэтрин поранила ладонь, чтобы окрасить металл кровью. Теперь она убрала ее на край гроба. Положив сверху руку, прошептала: «Мэри Ватт».

За стенками выкопанной могилы ярко и таинственно сияли звезды. Кэтрин отстранилась, и глаза девушки открылись. Какое-то время они просто смотрели друг на друга. Мэри была бледна, как призрак, и, как и призрак, все еще была мертва. Всего на час Кэтрин могла дать ей видимость жизни. По остекленевшим глазам и бледным щекам было совершенно ясно, что ее уже нет среди живых. Когда она заговорила, голос был тонким и далеким.

— Кто вы? — спросила она.

Кэтрин сглотнула. Выбравшись из ямы, она повернулась к Ватту:

— У вас есть час, сэр.

Ватт с дрожью подошел к могиле, где лежала его сестра, и та произнесла: «Джеффри».

Кэтрин встретила взгляд Бриджит, и вместе они направились к ближайшей кладбищен-

ской стене, где в ожидании остановились под раскидистыми ветвями дуба. Кэтрин посильнее закуталась в пальто и посмотрела на город. К тому времени, когда час Ватта пройдет и они станут засыпать могилу, уже будет светать. Пока что тени на мостовых скрывали от взгляда все, что было расположено между газовыми фонарями и катящимися экипажами. Бриджит прислонилась к каменному выступу, скрестив руки.

— Мистеру Ватту необязательно было слышать, как грубо ты говорила о его сестре, — тихим голосом сказала она.

Кэтрин оценивающе посмотрела на нее.

— Я не думаю, что говорить правду — это грубость. Мистер Эйнсворт должен информировать клиентов о таких вещах.

— Возможно, — сказала Бриджит с беспокойством.

Девушке не нравилось говорить что-то против своего нанимателя, независимо от того, как далеко они были от его ушей. Ее светлые, заколотые шпильками волосы взъерошил ветер. У Бриджит были красивые запястья, тонкие руки, мозолистые от такой работы, и грязь под ногтями. Кэтрин была худой

и бледной, темные волосы уложены в пучок. Когда час подошел к концу, две девушки вернулись к могиле.

Ватт обнимал свою сестру, пока поддерживаемая им девушка еле переставляла ноги. Когда он опускал Мэри обратно в гроб, Кэтрин смотрела в другую сторону. Юноша вылез из могилы и пожал им руки. По-видимому, Ватт не подозревал, что его колени перепачканы грязью. Улыбаясь, несмотря на стоявшие в глазах слезы, он вложил в ладонь Кэтрин серебряную монету. Его глаза были того же оттенка голубого, что и у сестры.

— За ваши заботы, — сказал он. — Спасибо.

Кэтрин откашлялась.

— Мистер Эйнсворт позвонит вам завтра утром, — напомнила она. — По поводу задолженности.

— Конечно.

Ватт приподнял перед ними шляпу и, не оглядываясь, покинул кладбище.

Оставшись одни, они закрыли гроб Мэри и принялись засыпать землей могилу. Кэтрин ощущала вес монеты в кармане. После этого они выйдут с кладбища Роуз-Хилл и пойдут

через мост, возвращаясь в свою комнату в типографии. Схватив лопату, Кэтрин вонзила острие в землю. Она подумала о глазах Мэри, о ее скрипучем голосе, о Джефффри Ватте, который сжал ей руку, подкрепив благодарность серебром. Вскоре он растворился в сознании Кэтрин вместе со всеми остальными клиентами.

Просто еще одна ночная работа.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда Кэтрин увидела типографию впервые, она сидела в старой семейной телеге. Ее отец сидел рядом и держал поводья. С мрачным выражением лица он остановил лошадей. Была ранняя весна, а вечер таким холодным, что у Кэтрин текло из носа. Она поспешно вытерла его рукавом. Не хотела, чтобы отец подумал, будто она плачет. Если бы она проронила хоть слезинку, он бы развернул телегу и направился домой.

Она не заплакала.

— Что ж, — сказал отец, одновременно слишком беззаботно и едва ли не плача. — Кажется, хорошее место.

— Да. — Кэтрин боролась с комом в горле. — Хорошее.

Действительно, так и было. Аккуратное четырехэтажное здание из темного кирпича, со створчатыми окнами. На отполированной входной двери висел придававший ей сказочный вид тяжелый бронзовый молоток.

Две недели назад отец написал сюда и договорился, чтобы Кэтрин дали работу. Теперь, освещаемый тусклым светом уличного фонаря, он произнес:

— Тебе необязательно уходить.

Она сидела, сложив руки на коленях. Такие же слова Кэтрин сказала своему старшему брату в прошлом году, когда он уходил работать в шахты.

У них был еще очередной год неурожая, а всего два месяца назад шторм сильно повредил крышу дома.

Работая в городской газете, Кэтрин могла неплохо зарабатывать. Ее семья знала об этом так же хорошо, как и она.

— Я справлюсь. — Голос был высоким и дрожал, это никуда не годилось.

— Я справлюсь, — повторила она, и на этот раз прозвучало как правда.

Отец слез с телеги, чтобы привязать лошадей. Кэтрин тоже слезла и подошла к лошадям, чтобы погладить их шеи.

— Не забывай писать, — сказал отец. — И если ты... если ты захочешь вернуться домой, по какой-то причине, по любой причине, Кэтрин...

— Я знаю. — Она догадывалась, что еще какое-то время не вернется домой. — Я буду писать.

Он подошел к телеге, чтобы забрать ее чемодан, а Кэтрин оглядела мощеную улицу. Камень был мокрым и темным от дождя; в воздухе витал запах реки. Все это было таким далеким от знакомых ей зеленых полей, чистой влажной земли и открытого неба. Но теперь ее дом здесь.

Девушка расправила плечи и подняла подбородок. Появился отец с ее чемоданом, и она пошла рядом с ним, чтобы постучать в дверь.

С тех пор прошло два года.

Кэтрин сидела за своим столом в комнате, которую делила с Бриджит, на третьем этаже типографии. Через оконное стекло ранний утренний свет падал на бумагу и чернильницы. После возвращения с кладбища не было